

Романова Наталья Ивановна

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ ПОВЕСТИ П. С. РОМАНОВА "ДЕТСТВО"

Статья посвящена анализу художественного своеобразия повести П. С. Романова "Детство", воплотившей лучшие достижения жанра художественно-автобиографической повести о детстве, традиции которой были заложены Л. Н. Толстым в середине XIX века. До настоящего момента повесть Романова не становилась предметом самостоятельного изучения. Стремясь восполнить этот пробел, автор выявляет, с одной стороны, связь Романова с предшествующей традицией (и в аспекте тематики, и в аспекте поэтики), с другой - его писательскую индивидуальность в освещении популярной темы. Научная и практическая значимость работы определяется тем, что, во-первых, результаты ее дают возможность расширить представления о литературном процессе первой половины XX века; во-вторых, проследить эволюцию жанра художественно-автобиографической повести о детстве на новом этапе развития.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 3. С. 46-50. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82(091);82:801.6;82-1/-9

Статья посвящена анализу художественного своеобразия повести П. С. Романова «Детство», воплотившей лучшие достижения жанра художественно-автобиографической повести о детстве, традиции которой были заложены Л. Н. Толстым в середине XIX века. До настоящего момента повесть Романова не становилась предметом самостоятельного изучения. Стремясь восполнить этот пробел, автор выявляет, с одной стороны, связь Романова с предшествующей традицией (и в аспекте тематики, и в аспекте поэтики), с другой – его писательскую индивидуальность в освещении популярной темы. Научная и практическая значимость работы определяется тем, что, во-первых, результаты ее дают возможность расширить представления о литературном процессе первой половины XX века; во-вторых, проследить эволюцию жанра художественно-автобиографической повести о детстве на новом этапе развития.

Ключевые слова и фразы: историко-литературный процесс; жанр; поэтика; художественно-автобиографическая повесть о детстве; преемственность; психологизм.

Романова Наталья Ивановна, к. филол. н.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук

natromanova2007@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ ПОВЕСТИ П. С. РОМАНОВА «ДЕТСТВО»

Становление и развитие жанра художественно-автобиографической повести о детстве приходится на середину XIX века. Именно в этот период приобретают заметную популярность произведения, в которых личность ребенка выдвигается на первый план. Вершинными творениями этого ряда стали повести Л. Н. Толстого и С. Т. Аксакова – «Детство» и «Детские годы Багрова-внука», – в которых авторы не только правдоподобно изобразили повседневную жизнь ребенка, но и глубоко и всесторонне раскрыли своеобразие детского мировоззрения, рассказали о переживаниях детской души как бы от лица самого ребенка. Общность тематики и проблематики, а также использование схожих художественных приемов для раскрытия внутреннего мира ребенка позволяют выделить произведения о детстве в отдельную жанровую группу.

Не утратила тема детства своего значения и в XX веке, к ней обращались писатели самых разных направлений – Н. Г. Гарин-Михайловский («Детство Темы», 1892), М. Горький («Детство», 1913-1914), А. Белый («Котик Летаев», 1914-1915), А. Н. Толстой («Детство Никиты», 1922), И. А. Бунин («Жизнь Арсеньева», 1930), И. С. Шмелев («Лето Господне», 1927-1948). Многие из них опирались на опыт Толстого и Аксакова. Особенно ощутима связь с классической традицией в повести П. С. Романова «Детство» (1926), в которой писатель развил и углубил основные типологические черты, отличающие жанр художественно-автобиографической повести о детстве.

В современном литературоведении нет фундаментальных работ о творчестве П. Романова, хотя без его фигуры картина развития литературного процесса первой половины XX века выглядит неполной. Повесть «Детство» также не становилась объектом отдельного самостоятельного исследования. Настоящая работа является шагом к восполнению этого пробела, поскольку главным объектом анализа становится повесть Романова «Детство» – специфика художественного метода, использование изобразительно-выразительных средств для раскрытия избранной темы. В этом видится научная новизна работы.

Цель данной статьи – не только выявить индивидуальность авторской манеры Романова, источником которой во многом стала предшествующая традиция, но и проследить жизнеспособность жанра повести о детстве в XX веке, что включает в себе практическую значимость настоящей статьи.

Свое произведение П. С. Романов писал около 20 лет – с 1903 по 1920 г. Столь длительный творческий период работы вполне объясняется трудностью задачи: создать образ детства – живой, зрительно осязаемый, правдоподобный, а главное близкий и понятный широкому кругу читателей – непросто, тем более когда творческий путь еще только начинается, когда писательского опыта почти не накоплено (замысел возник в сознании автора, когда он учился в гимназии). В своих статьях и воспоминаниях Романов неоднократно писал о том, что мастерству владения словом учился у классиков, выделяя, прежде всего, имена Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого. И действительно, по меткому замечанию критика В. П. Львова-Рогачевского, от произведений Романова «веет классикой» [1, с. 11]. В большой степени это относится и к повести «Детство».

Связь «Детства» с классической традицией прослеживается, прежде всего, на концептуальном уровне: в произведениях Толстого, Аксакова и Романова детство изображено, во-первых, как важнейшая эпоха жизни человека, как начало жизненного пути, когда ребенок получает первые представления о себе и окружающем его мире, когда происходит формирование его личности; во-вторых, как эпоха, которая обладает не только светлой поэзией, но и острым драматизмом. Думается, это обусловило и общность в сюжетно-композиционном раскрытии темы, в характеристике образов, в использовании схожих художественных приемов.

Материалом повести Романова послужили личные впечатления, воспоминания автора – жизнь семьи дяди, правда, описанная без строгого следования фактической достоверности. Наряду с автобиографическим элементом в повести большую роль играет художественный вымысел, что определяется задачей, поставленной автором. В повести важна не строгая документальность, не правда факта, не достоверность событий, а правда чувств

и переживаний ребенка, открывающего сложный мир действительности. «Детство» Романова, как и повести Толстого и Аксакова, представляет собой не мемуары, а художественно-автобиографическое произведение.

Выдвижение в центр повествования ребенка обусловило своеобразие художественного мира произведения.

Особенность сюжетного рисунка определяется отсутствием занимательности, драматического начала. Автор сосредоточен на событиях, каждодневно происходящих, будничных, для постороннего наблюдателя не представляющих интереса, но хорошо знакомых ребенку. Содержанием многих глав стали эпизоды, в которых как таковых событий нет, их в общем-то трудно пересказать. Так, во второй главе писатель изображает, как появление первого снега вызвало бурный восторг детей, выбежавших на крыльцо вдохнуть морозного воздуха; как они внимательно наблюдали за сбором саней, снаряжаемых за старшими братьями и сестрами; как помогали дядюшке устроиться на зиму, т.е. перетаскивали кресло от окна к печке. Глава пятая рассказывает о вечерней молитве детей вместе с матерью, о том удовольствии, какое им доставляет разрешение по-лежать на большой материнской постели и послушать перед сном ее занимательные рассказы. Все события имеют равное значение, здесь нет деления на значительное и незначительное: вставка зимних рам так же важна, как и приезд старших братьев и сестер, поскольку все эти события вызывают живой интерес у ребенка. Очевидно, что акцент переносится с события на его восприятие юным героем.

Форма повествования от первого лица давала писателю возможность изобразить все события под двойным углом зрения – ребенка и взрослого. Выдвижение на первый план ребенка, его психологии, круга интересов придавало повествованию достоверность и правдоподобие. Создавалось ощущение, что не взрослый человек рассказывает о своем детстве, а ребенок проживает день за днем на глазах читателя. Но это лишь тонкая иллюзия, поскольку вторым планом неизменно звучат размышления взрослого героя, многое уже испытавшего и осознавшего значение ранних лет жизни в своей судьбе. Он уже способен осмыслить произошедшие в прошлом события, определить их роль в становлении своей личности. Взрослому человеку принадлежат проникновенные слова о материнской любви – преданной, бескорыстной – и эгоизме детей: «Но ее постоянная и неизменная доброта и бесконечная любовь и слабость к нам приучают нас к небрежности по отношению к ней» [2, с. 133]; исполненные тревоги размышления о постепенной утрате человеком невинности и свежести видения мира: «Сумею ли я в будущем чувствовать и переживать с такою же яркостью, свежестью все происходящее передо мной, так же жадно, с таким же упоением вдыхать вечный аромат жизни? Или краски мира поблекнут для меня, глаза станут равнодушны и не будут видеть всего того, что видели они в детстве?» [Там же, с. 148].

Образ взрослого повествователя не заслоняет собой мальчика, он только поясняет то, что не мог увидеть и понять ребенок. Такая двойная точка зрения на события, с одной стороны, делает образ детства диалектически сложным, выявляющим скрытые противоречия, с другой – позволяет подчеркнуть полярность двух времен: «тогда» (время, в которое действует ребенок) и «сейчас» (время создания воспоминаний). Такое противопоставление нужно не столько для разграничения событий во времени, сколько для выявления идеи автора о том, что детство является особым этапом жизни, который отличает невинность восприятия, чистота помыслов, любовь к миру – все то, что человек с годами утрачивает.

Поскольку главной задачей автора становится раскрытие личности ребенка, система образов в повести имеет свою специфику. Все герои и события тянутся к одному центру – ребенку. Действующих лиц, как правило, немного. Это, прежде всего, семья (родители, братья, сестры, воспитатели), небольшой круг родственников и редких гостей (дети-сверстники). Все эти персонажи не имеют самостоятельного значения, они важны только с точки зрения своего влияния (положительного или отрицательного) на жизнь главного героя и нужны для максимально полного воссоздания атмосферы, в которой родился и вырос ребенок.

Ближайший семейный круг героя составляют мать, крестная, дядюшка, младшая сестра Катя, горничная Таня, а также Захар Михалыч, близкий друг семьи. Каждый из них имеет свой характер, свои привычки, увлечения, хорошо знакомые мальчику: строгая, требовательная крестная зорко следит за порядком в доме; подшучивающий надо всем дядюшка часто обыгрывает детей в шашки; Таня, отличный друг по играм, любит пугать страшными историями про мертвецов и разбойников; младшая сестра Катя, непрменный спутник всех домашних приключений, часто сердит брата своим поведением. Именно с этими людьми связаны все любимые мелочи повседневной жизни: занятия в саду с крестной, душевные разговоры с дядюшкой до чаю, игры в зале с Таней, чай с пряниками и конфетами в маленьком домике Захара Михалыча. Эти персонажи ассоциируются в сознании мальчика с домашним теплом, любовью, заботой, несмотря на иногда возникающие недоразумения.

Иной характер отношений связывает героя со старшими братьями и сестрами, которые в силу разницы в возрасте несколько отделены от мальчика – у них свои интересы, свои разговоры, свои игры. Но они имеют большое влияние на жизнь мальчика, поскольку впервые заставляют задуматься о том, кто он – взрослый или ребенок, какой он – хороший или плохой. Приезд старших братьев нарушает спокойное течение жизни ребенка и побуждает к развитию неприглядных черт характера – самолюбия, обидчивости, жестокости. В этом же ряду негативного влияния на ребенка стоит и приятель Васька: «...я, благодаря братьям и Ваське, узнал многое, чего не знал раньше. И теперь это знание временами мучает меня и вводит в такие грехи, существование которых я не предполагал даже» [Там же, с. 92]. Развитие отрицательных черт в мальчике отдаляет его от семьи: «Катя на меня смотрела уже как на разбойника. Даже дядюшка стал холоден со мной и почти не обращался ко мне, как будто не замечал меня» [Там же, с. 131].

Учитель Петр Михайлович «с добрым подслеповатым лицом» [Там же, с. 86] также занимает немало важное место в жизни ребенка. Его появление в доме герой воспринимает как значимый этап в своей жизни, как свидетельство своего взросления: крестная «с серьезным, чуть нахмуренным лицом» [Там же, с. 85]

сообщает о необходимости готовиться к школе, а Катя «со страхом» смотрит на брата [Там же, с. 86]. Появление учителя, с одной стороны, развивает в мальчике тщеславие: «Бес гордости от сознания того, что я теперь изучаю науки, так обуюл меня, что водиться с Катей я считаю ниже своего достоинства» [Там же, с. 93]; с другой – свидетельствует о его совестливости: «Каждый раз терзаешься сознанием невыученного урока, нерешенной задачи и чувствуешь себя лентяем, падшим, безнадежным человеком» [Там же, с. 87].

Стремясь к глубокому и всестороннему изображению личности ребенка, писатель использует богатую палитру художественных приемов. Натура героя, прежде всего, проявляется в совершаемых им поступках, действиях, свидетельствующих о непосредственности, живости восприятия, остром интересе к окружающему миру. Выбежать во двор, чтобы никто не остановил, и насладиться первым снегом [Там же, с. 14]; «пролезть» незаметно в сени, чтобы видеть встречу гостей [Там же, с. 23]; «совать нос» в покупки, привезенные к празднику [Там же, с. 48]; выпросить «кружочек копченой колбасы» с накрытого стола [Там же, с. 48-49]; сбежать наперегонки с девочками к бочке с водой [Там же, с. 79]; явиться домой с «прорванными коленками и грязной физиономией» [Там же, с. 132] – во всем здесь виден ребенок, желающий быть в центре всех событий и с любопытством вглядывающийся в жизнь.

Романов внимательно следит не только за тем, как поступает мальчик в разных жизненных ситуациях, но и за тем, какой отклик оставляют в его душе различные предметы, события, люди. Часто реакции героя по-детски непосредственны и эмоциональны («скорчить рожу» [Там же, с. 31], «показать язык» [Там же, с. 30] – типично детское выражение протеста), а оценки наивны и незрелы, что естественно мотивировано его возрастом. Он уверен, что умываться и молиться богу – «самые неприятные процедуры» [Там же, с. 14]. Слова старших сестер о том, что он уже взрослый, мальчик воспринимает дословно, пытаясь в зеркале отыскать видимые признаки своего взросления. Брат Сергей характеризует склонность брата Ивана к размышлениям в одиночестве: «Пошел Америку открывать». Юный герой, долго наблюдая в щелочку за Иваном, приходит к выводу, что «никакой Америки там не было» [Там же, с. 37].

Отношение мальчика к людям по-детски субъективно и часто зависит от настроения. Так, сестра Катя то «злейший враг» [Там же, с. 56] и «противная девчонка» [Там же, с. 57], то лучший друг, единственный человек, чувствующий «значительность» брата [Там же, с. 145]. Крестная, наказавшая мальчика за раскуривание сигары, «ужасный, жестокий человек» [Там же, с. 100], но одновременно она «милая, милая», потому что всегда приходит на помощь в несчастье [Там же, с. 85].

Важной чертой детской психологии является желание быть взрослым. Герой радуется, что он наконец избавился от несносных башмаков с пуговицами, замененных на взрослые сапоги, но беспокоится, «чтобы голенища не спускались вниз и не делали складок» [Там же, с. 17]. Его раздражают несносные салфетки, повязанные под самые уши во время ужина, и в целом тот факт, что за столом он посажен с младшей сестрой и матерью далеко от старших братьев [Там же, с. 27]. С гордостью мальчик говорит сестре Кате, что все время будет проводить со старшими братьями, потому что «не вертеться же» ему постоянно около девочек [Там же, с. 17]. Герой никак не может выбрать, кому из старших братьев подражать: с одной стороны, его привлекает внешняя красота и элегантность Сергея, на котором всегда куртка или мундир от хорошего портного, его умение держаться в обществе, остроумные шутки, вызывающие одобрительный смех. Мальчику нравятся то восхищение, которое Сергей вызывает в обществе. В Иване же привлекают противоположные черты: странность и непохожесть на других, реакция взрослых, с опаской покачивающих головами и беспокоящихся за его будущность. Но понять Ивана мальчик еще не может: в отчужденности брата от своей семьи, в его мучительном поиске своего пути в жизни, явно отличном от людей его круга, герой видит лишь желание быть оригинальным и умение удивлять и привлекать к себе внимание.

Однако главным для писателя было не столько изобразить внешнюю жизнь ребенка, сколько понять его внутренний мир, проникнуть в его переживания, открыть читателю непростую жизнь детской души. В этом Романов – наследник лучших традиций классической литературы: и Толстой, и Аксаков создали блестящие по глубине психологической достоверности образы детей.

Душевный мир мальчика раскрывают многочисленные внутренние монологи, передающие непростой сплав чувств и мыслей героя, противоречивость восприятия, сложность переживаний. Здесь и мучительное осознание своей греховности, и искреннее желание быть лучше, и обиды на взрослых, которые, как кажется ребенку, недооценивают его, не принимая всерьез тяжести переживаемых им чувств и мыслей, и остро осознаваемое ощущение своего одиночества: «Что за окаянная судьба, все тебя гонят, дерут, как сидорову козу. И до каких пор это будет продолжаться? Я совершенно не представляю, когда может улучшиться моя жизнь» [Там же, с. 100]; «До чего я дошел, что мне приходится бегать от людей. Боже мой, что за проклятая жизнь. Что мне остается?» [Там же, с. 135].

Острая наблюдательность, склонность к рефлексии сближают героя повести Романова с Николенькой Иртеньевым, который также сосредоточен на осмыслении своего внутреннего «я».

Как и в классических произведениях о детстве, в повести Романова избран особый способ воспроизведения событий. Объектом изображения становится один год жизни ребенка: повесть открывает и завершает прекрасный осенний пейзаж. Но рассказ об одном годе жизни героя становится рассказом о его детстве в целом. Этого Романов достигает путем переклочения повествования с описания конкретного дня на воспоминания о других таких же днях, введенных часто словами «бывало», «обыкновенно», «по обыкновению». Так, увидев отправку лошадей за старшими братьями и сестрами, дети вспоминают, «как хороша зимняя дорога в мягкий морозный день»: «Бывало, когда собираются куда-нибудь ехать, мы с самого утра начинаем надоедать всем и упрашивать

взять с собой» [Там же, с. 15]. «Как хорошо бывает летом у ранней обедне, когда встающее солнце, проходя через цветные стекла, окрашивает разноцветными пятнами престол и пол алтаря...» [Там же, с. 68].

Иллюзия протяженного по времени повествования достигается и за счет того, что объектом изображения становятся события повторяющиеся, часто происходящие, типичные для семьи мальчика. «С очками у нее вечная история» [Там же, с. 41] (о крестной, постоянно теряющей очки). «И при вставке каждой рамы Катя непременно насажает в ватку между рам маленьких фарфоровых куколок, чтобы потом смотреть на них через стекло вставленной рамы» [Там же, с. 12]. У Захара Михалыча на теплой лежанке «всегда дремлет» кот [Там же, с. 43]. «После обеда, когда большие отдыхают и в доме стоит предусмотречная тишина, хорошо бывает пристроиться где-нибудь в укромном местечке и сидеть» [Там же, с. 17].

Детализация повествования также становится одной из отличительных особенностей повестей о детстве. Картины детской жизни писатель воссоздает скрупулезно и подробно. Это связано с тем, что для него рассказ о прошлом связан со светлыми и радостными воспоминаниями, которые приятно воскресить в памяти. Не забывается ни одна мельчайшая подробность – и закупка продуктов к Рождеству, и процедура подготовки к бане, и долгие зимние вечера с раскладыванием пасьянса и чтением газет.

Но подробно восстанавливаются не только события прошлого. Большое внимание уделяет писатель и предметно-бытовому миру, окружающему ребенка. Это позволяет автору, с одной стороны, правдоподобно воссоздать культуру, быт, традиции, семейный уклад уходящего в прошлое дворянского круга, а с другой – дать читателю возможность наглядно увидеть обстановку, в которой рос герой, зримо восстановить образ прошлого, сделать его более наглядным, физически осязаемым. Мир героя «Детства» – это и «шишечка отдушника», куда «вешается чайное полотенце» [Там же, с. 13], и «большое кресло», в которое можно свободно усесться вдвоем [Там же, с. 12], и «большие ковровые сани» [Там же, с. 14], и «круглые часы над дверью» [Там же, с. 27], и «помазок на палочке из лучинки, обмотанной ниточками» [Там же, с. 65].

Предметы не только воссоздают атмосферу жизни, но и прочно связываются в сознании ребенка с близким человеком, как бы сливаясь с его обликом. Чаще всего предметы этой группы имеют повторяющийся характер и сопровождают персонажа на всем протяжении повествования, являясь устойчивой его характеристикой. Так, образ дядюшки прочно ассоциируется в сознании ребенка с меховой курткой, креслом у стола, газетами; Захар Семеныч – с пряниками и конфетами; крестная – с теплым платком на плечах, черным шуршащим платьем по праздникам.

Тема детства обусловила и особенности пространственной организации текста. Пространство детского мира первоначально достаточно узко, оно ограничивается миром родной усадьбы. Прежде всего, это дом, поэтому движение в повести происходит «не столько по времени, сколько по пространству, по переходам из одной комнаты в другую» [3, с. 87]. Каждая комната имеет свой круг впечатлений: гостиная, где у каждого есть свой любимый уголок, связана с уютными долгими семейными вечерами; большая зала обычно оживает с приходом гостей, когда «слышатся звуки рояля, голоса молодежи» [2, с. 13]; особенно любимые места – в столовой на диване за столом, где «рассматриваешь свое лицо в самоваре» [Там же], и угол за буфетом, где сидишь, когда «захочется помечтать» или «во всех несчастных случаях жизни» [Там же]. Пространство дома дополняется пространством сада, в котором полновластной хозяйкой является крестная. Все это пространство отличается тем, что каждый его уголок хорошо знаком мальчику, связан с прочным кругом ассоциаций. Неслучайно, что рубежом детства становится отъезд из родного дома, т.е. расширение пространственных границ.

Несмотря на близость П. Романова к классической традиции, его «Детство» – это уже отпечаток другой эпохи и другой традиции.

В произведениях Толстого и Аксакова детство, конечно, не описывается только как идиллическое время, в котором нет темных пятен. В их произведениях нередко появляются эпизоды, рисующие детство как эпоху, не лишенную своего драматизма и сложности (Николенька Иртенъев остро переживает несправедливость по отношению к Карлу Иванычу, чуть было не допущенную отцом; Сережа Багров чувствует сложность взаимоотношений между родителями, обладающими разными темпераментами, склонностями, интересами). Однако общее настроение их произведений – это именно воспевание светлого и гармоничного мира, пусть и утраченного с годами.

У Романова кардинально меняется угол зрения, в его повести акцент сделан на утрате ребенком «безоблачного, безмятежного состояния души» [Там же, с. 140], «радости от ощущения своего существования» [Там же]. Писатель скрупулезно следит за появлением в герое дурных мыслей, приводящих его к вызывающим мучительный стыд поступкам, за пробуждением тщеславия, болезненной мнительности, жестокости. Взросление делает мальчика «все более и более тупым и неспособным чувствовать так легко и просто, как прежде, красоту мира» [Там же, с. 141]. И избранная автором композиция, когда последний год жизни ребенка в родительском доме, подробно описанный в повести, сравнивается с тем, что было всегда, лишь усиливает драматизм звучания темы детства: гармония, безмятежность, чистота помыслов, открытость миру сменяются чувством одиночества, угрызениями совести, осознанием своего падения.

Поэзия детства середины XIX века сменилась драмой детства XX века. Повесть П. С. Романова воплотила лучшие традиции классической повести о детстве. Особого рода автобиографизм, когда достоверность чувств и переживаний автора заменяет достоверность событий, ретроспективная форма повествования от первого лица, отсутствие занимательной интриги в сюжете, сосредоточенном на каждодневно повторяющихся событиях, противопоставление двух временных планов («тогда» и «сейчас»), выведение в центр системы образов фигуры ребенка, своеобразие пространственной организации текста, насыщенный предметно-бытовой мир –

все эти жанрообразующие черты позволяют отнести произведение Романова к жанру художественно-автобиографической повести о детстве. Однако писатель не слепо копирует предшественников, а приходит в литературу со своим словом: не поэтичность детства, а драматизм взросления ребенка становится главным объектом его изображения, что и определило новаторский подход в изображении избранной темы.

Таким образом, повесть «Детство» не только становится продолжательницей литературной традиции, но и несет в себе черты самобытности писательского облика Романова.

Список литературы

1. **Львов-Рогачевский В. П.** Пантелеймон Романов // Пантелеймон Романов / под ред. Е. Ф. Никитиной. М.: Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники», 1928. С. 10-18.
2. **Романов П. С.** Детство. Повесть. Рассказы. Тула: Приокское книжное издательство, 1986. 383 с.
3. **Эйхенбаум Б. М.** Лев Толстой. Л.: Прибой, 1928. Книга первая. 50-е годы. 416 с.

LITERARY TRADITION OF P. S. ROMANOV'S STORY "CHILDHOOD"

Romanova Natal'ya Ivanovna, Ph. D. in Philology
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
natromanova2007@yandex.ru

This article analyzes the artistic singularity of P. S. Romanov's story "Childhood" that embodied the best achievements of the genre of the artistic-autobiographical story about childhood, the traditions of which were laid by Leo Tolstoy in the middle of the XIX century. Until present Romanov's story hasn't become the subject of a separate study. In an effort to fill this gap the author reveals, on the one hand, Romanov's connection with the previous tradition (both in the aspects of subjects and poetics), on the other hand - his literary individuality in covering popular topics. The scientific and practical significance of the work is determined by the fact that firstly its results enable to expand the ideas of the literary process of the first half of the XX century; secondly to follow the evolution of the genre of the artistic-autobiographical story about childhood at a new stage of development.

Key words and phrases: historical and literary process; genre; poetics; artistic-autobiographical story about childhood; continuity; psychologism.

УДК 821.112.2

Статья посвящена творчеству двух загадочных и неоднозначных представителей прозы XX века – Франца Кафки и Патрика Зюскинда – и представляет собой сравнительный анализ художественного пространства новеллы Ф. Кафки «Превращение» и повести П. Зюскинда «Голубка». Выявление и изучение в произведениях особенностей пространственных образов и их взаимодействий позволяет говорить об особом художественном решении проблемы свободы через образы пространства.

Ключевые слова и фразы: художественное пространство; замкнутое пространство; конфликт; абсурдная ситуация; хронотоп; экзистенциализм.

Татарина Людмила Николаевна, д. филол. н., профессор

Жгилева Наталья Евгеньевна

Кубанский государственный университет

tatarinova.lyuda@yandex.ru; kleinichkeit@yandex.ru

КОМНАТА КАК ОБРАЗ ЗАМКНУТОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ П. ЗЮСКИНДА «ГОЛУБКА» И НОВЕЛЛЕ Ф. КАФКИ «ПРЕВРАЩЕНИЕ»

Критическая литература по творчеству Ф. Кафки поражает своим многообразием: изучением творчества Ф. Кафки занимались такие исследователи, как М. Брод [2], Ал. Камю [8, с. 93-100], Д. Затонский [6], Е. М. Мелетинский [12, с. 340-359], В. Днепров [4, с. 432-485], Б. Сучков [14, с. 3-81], Е. Ф. Книпович [10, с. 396-429]. В обиход вошел термин «кафкианский», означающий процессы или явление абсурдные, алогичные по своему содержанию и форме. Несмотря на огромное количество исследований, творчество Кафки остается предметом споров и обсуждений до настоящего времени. Франца Кафку часто сравнивают с Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским [3, с. 673-843]; на наш взгляд, в этот контекст можно вписать еще одно имя – современного немецкого писателя Патрика Зюскинда. Именно сходство пространственных образов двух этих авторов позволяет говорить о близости их мировоззрения и поэтики. В этом новизна нашего исследования.

Источником для написания данной статьи стало пространственное поле новеллы Ф. Кафки «Превращение» и повести П. Зюскинда «Голубка». В работе использовался структурно-функциональный анализ, а также структурный, сопоставительный, сравнительный и контекстно-интерпретационный методы. Творчество Кафки во многом превосходит философию экзистенциализма, для которого центральным стал вопрос